

„Вотъ что дѣлалъ“, говорилъ старецъ одному посетителю: „умирать — не умиралъ, боялся — терпелъ, порицалъ — любилъ; самъ себя осуждалъ — тогда Богъ не осуждалъ. Эти подвиги больше, чѣмъ въ Клеѣ, мата“.

Богъ соизволи старца случавшему: „скажу, дѣловъ завялись, — кто скажетъ, того дѣла не въ порядкѣ“.

Несобыкновенную, обаятельную силу этой настоятельной правды и поразительная кротость и трогательная сердечность отношеній старца ко всѣмъ приходившимъ: бывала случаи, что люди, приходившіе къ нему съ скептическимъ настроеніемъ, уходили со слезами умиленія, исполненными вѣры въ Бога и глубокой признательности къ старцу. Кто бы къ нему не пришелъ, всѣмъ онъ встрѣчалъ словами: „радость моя“, всѣмъ кланялся въ ноги, всѣмъ цѣловалъ. А сколько снисходительности и чутко материнской заботливости обнаруживалъ онъ къ неимущимъ, труждающимся и обремененнымъ. Вотъ образецъ такой заботливости: труженники величичной монастырской общины онъ давалъ советъ вѣсь въ поле, чтобы не ослабить и не впасть въ уныніе: „а вы хлѣбушка-то въ карманчикъ съ собой положите; устанете, укажетесь, не унывайте, а покушайте хлѣбушка-то да и опять за труды“. Въ предупрежденіе ночного унынія онъ давалъ имъ, какъ вѣлѣтъ дѣлать, советъ: класть хлѣбъ подъ подушку: „найдетъ уныніе да разбудитъ“, повторить онъ „а вы хлѣбушка-то выньте, да и кушайте, уныніе то и пройдетъ, хлѣбушка то и прогонитъ его и сонъ послѣ трудовъ дастъ вамъ здоровій“.

Въ подвигъ учительства провелъ старецъ вечерніе годы жизни. Только въ послѣдній (1832 г.) силы его ослабли и онъ не могъ уже ходить къ ближнимъ путникомъ и приобщать посетителей. 1 января 1833 года онъ послѣдній разъ побѣдилъ грѣхъ лѣни, привсталъ Святая Троица, а затѣмъ простался съ ангеломъ. Въ теченіе дня онъ три раза ходилъ къ своей будущей могилѣ; вечеромъ 1 января воспоминалъ въ нѣмѣ Наспавленныи иже: „Воскресеніе Христово“, „Свѣтлая суббота“, а рано утромъ 2 января онъ скончался, спавъ на подпильи въ молитвенномъ положеніи, съ вѣданнымъ крестомъ на груди и съ сложенными крестообразно руками. Прожилъ угодникъ Божій 73 года, 5 мѣсяцевъ и 12 дней.

Вотъ заветъ его любимъ православному народу Русскому, всѣмъ страдающимъ и обремененнымъ: „Когда меня не спяте, вы ко мнѣ на гробикъ ходите. Какъ есть время, такъ и идите, чѣмъ чаща, тѣмъ лучше. Все, что есть у васъ на душѣ, чтобы вы случилось съ вами, о чемъ бы вы скорбѣли — прѣдите ко мнѣ, да все свое горе съ собой то и принесите на мой гробикъ. Припавъ къ нему, все какъ живому и расскажите, и услышу я васъ и вся скорбь ваша отойдетъ и пройдетъ. Какъ съ живымъ вы все говорили, такъ и тутъ. Для васъ я живую естъ и буду во вѣки“.

Читая эти слова, невольно спрашиваешь себя: что это? Одно ли только утѣшеніе скорбящихъ, плавающее ли желаніе любящаго отца или же пророческое предвѣщаніе прозрѣлаго старца. Какъ бы не рѣшить этого вопроса: по тѣмъ природнымъ чувствамъ рѣшалъ его — инстинктъ подтвердитъ.... И ставъ ходить онъ на гробикъ старца, сталъ дѣлаться съ нимъ своимъ радостямъ и скорбямъ и во вѣрѣ своей получалъ у этого гроба утѣшеніе и исцѣленіе. И вотъ оправдалась живая вѣра народная, исполнилось пророческое слово старца: онъ былъ, есть и пребываетъ до скончанія вѣковъ живымъ молитвенникомъ за спасенію Русь и вѣру православную. Прислѣдникъ во вѣки живущъ“.

Въ то время, когда І. А. Понизкій упоминалъ въ своей рѣчи о встрѣтѣ пр. Серафима, полученномъ отъ него Курскимъ, купнымъ Миленинымъ и приподозрѣваемъ нами звуку почитаннаго А. Н. Миленину, этотъ портретъ, любезно доставленный въ заведѣніе комиссіи А. Н., былъ съ живымъ интересомъ осмотрѣнъ членами комиссіи и приглашенными лицами.